

С Маркесом — на 16-й этаж

Известия, — 1998. — 5 марта. — с. 6

Геннадий БОЧАРОВ,
«Известия»

Этот снимок был сделан за пару лет до присуждения Габриэлю Гарсиа Маркесу Нобелевской премии. Однако романы «Сто лет одиночества» и «Осень патриарха» были уже написаны. Критика стран Западного и Восточного полушарий безоговорочно признала обаятельного колумбийца литературной вершиной второй половины XX века.

Моя первая встреча с Маркесом произошла 20 лет назад в Гаване. В последующие годы встречи продолжались. Одна из них — в Москве, у меня дома. Но прежде чем рассказать о курьезе, который произошел во время этой встречи, — два слова о том, о чем Маркес поведал в первые дни общения.

Известно, что писатель родился в маленьком провинциальном городке Колумбии — Аракатака. Габриэль был одним из 16 детей в семье скромного телеграфиста и домохозяйки. Репортерская юность писателя проходила в Колумбии, Европе и в странах Латинской Америки. Одно время Маркес надолго покинул Колумбию и переселился в Мексику. Здесь колумбиец проживал нелегально. Когда роман «Сто лет одиночества» был издан и принес нелегалу мировую известность, Маркес встретился с президентом Мексики. Рассказал о житейской ситуации. Президент ответил: «Теперь это не имеет никакого значения. Вы — мексиканский гражданин».

За месяц до окончания работы над рукописью романа «Сто лет одиночества» семья Габриэля оказалась в исключительно трудном материальном положении. Четыре предыдущих произведения были отвергнуты издательствами. Те же, что удалось напечатать, не принесли ни гроша. «В тот день», — рассказал Маркес, — когда я дописал «Сто лет одиночества», у нас с Марседес (супруга Габриэля. — Г.Б.) закончились все средства к существованию. Такую бедность мне довелось испытать только в Париже. Так вот, — продолжал Маркес, — мы принесли рукопись романа на почту, чтобы отправить ее в Буэнос-Айрес. Издатель. Приемщица взвесила пакет и сказала: «С вас 83 песо, сеньор». Марседес изменилась в лице и проговорила: «У нас только 45». Тогда я разделил рукопись и сказал приемщице: «Взвесьте эту часть, чтобы получилось 45 песо». Она так и поступила. Первая часть романа была отправлена в Аргентину. Когда мы вернулись домой, Марседес собрала последние вещи, включая миксер, и отнесла в ломбард. Там ей дали 50 песо. Так мы смогли отправить вторую часть романа. Кстати, — вспомнил Маркес, — при отправке мы получили 2 песо сдачи. Марседес была в ярости. Она, я помню, тогда произнесла: «Не хватает теперь, чтобы и эту проклятую книгу забраковали!» Как вы знаете, ее приняли».

Триумф, надо сказать, компенсировал неудачи всех предыдущих лет.

...Долгое путешествие Маркеса в Японию, Вьетнам и Индию подходило к концу. День лифта

Фото
из моего
альбома

в Москву был известен. Однако вылететь из Бомбея не удавалось: начались ливневые дожди и небывалое наводнение. По радио передавали о прорыве плотины и гибели почти тысячи человек. Двое суток семейство Маркесов — Габриэль, Марседес и оба их сына — находилось в аэропорту Бомбея. Наконец «Боинг» «Эр Индия» приземлился в «Шереметьево». В Москве стоял чудесный, ослепительный август. Дорога из аэропорта была усеяна первыми желтыми листьями, занесенными из близлежащих лесов. День был как будто летним, но уже и осенним. Наполнину зеленым, наполовину золотым. Официально Маркес был приглашен в Москву для участия в качестве члена жюри Международного московского кинофестиваля. Несмотря на крайнюю занятость — программа была очень насыщенной, — прямо в аэропорту мы договорились о встрече — семейной. У меня дома.

В день закрытия фестиваля позвонила Марседес: «Вечером приедем», — сказала она. — На концерт не останемся. Как только Габриэль сможет выбраться из-за стола президента — едем без задержки. А у сыновей — своя программа», — добавила она.

В кругосветном путешествии, которое они совершали, судьба приготовила им немало трудных моментов. Один из них, как это ни печально, поджидал Габриэля и Марседес у меня дома.

За пятнадцать минут до приезда гостей оба лифта вышли из строя. Разумеется, рассчитывать на то, что лифты будут тут же отремонтированы, было наивно. Тем не менее я обзвонил все мыслимые и немыслимые службы. И — в отчаянии — даже набрал номер одного из заместителей заводского отдела ЦК КПСС, с которым поддерживал товарищеские отношения. «Перезвоню в Моссосвет», — пообещал он.

Я спустился вниз пешком со своим пятнадцатилетним сыном. Машина с Габриэлем и Марседес подкатила к подъезду. После

легких, традиционно латиноамериканских объятий и похлопываний по плечам я откашлялся и сказал:

— Высота, на которую вам предстоит подняться, значительна.

— В чем дело? — спросил Владимир Весенский, приехавший вместе с Маркесами. — Что-то с лифтами?

— Си, — ответил я, забыв о том, что отвечаю не Габриэлю, а своему русскому коллеге, одному из лучших знатоков испанского языка. — Оба лифта отказали.

Габриэль старался уловить суть проблемы. Он переводил взгляд с Весенского на меня, затем на моего сына.

— Подниматься к Геннадию придется пешком, — сказал гостям раздосадованный Весенский. — Лифты не работают.

Марседес спросила: «А на какой этаж?»

— На шестнадцатый, — ответил я, впервые осознав высоту, на которой живу. Услышав перевод, Марседес и Габриэль переглянулись. Я знал: год назад Габриэль перенес тяжелейшую операцию. Вместе с Весенским мы навещали его, кстати, в его бунгало на берегу океана, где по совету врачей для быстрого восстановления потери почти двух литров крови он выпивал по несколько стаканов молока в день. Думая наверно ему будет нелегко, я сказал Марседес — тоже.

Выход предложил мой сын. — Можно подняться на лифте в соседнем подъезде, — сказал он. — Потом пройти по крыше и воспользоваться пожарным люком. Через него мы попадем в наш коридор. А затем и в квартиру.

Вариант был отклонен. Габриэль посмотрел на перебинтованную голову сына — у того было воспаление среднего уха — и спросил: «Это не ты был случайно во Вьетнаме вместо нас?»

Подъем оказался долгим и трудным. Использовали для разговоров. Я не помню их содержания, лишь фрагменты. Так, в по-

На снимке: Габриэль Гарсиа Маркес и автор этих строк (сидят). Журналисты-международники Владимир Весенский (слева) и Александр Кармен (справа) — сын Романа Кармена. Фотография сделана Освальдо Саласом, автором известных снимков Мэрилин Монро, Альенде, Хемингуэя, Кастро, а также всемирно известного фотопортрета Че Гевары: Че в профиль, в берете, в облаке сизого сигарного дыма.

лугле лестничных маршей Габриэль признался, что приглашение его в члены жюри кинофестиваля — фикция. На самом деле планировалась встреча писателя с Брежневым. С «компаньеро Леонидо», сказал он. Двое суток Габриэля инструктировали в гостинице очень странные личности. Разъясняли писателю, какие именно вопросы можно задавать генеральному секретарю, а какие — ни в коем случае. Габриэль, по его словам, смущал их своим избыточным любопытством. В конце концов все это без всяких объяснений прекратилось. «Через сутки мы улетаем в Париж, — сказал он, переводя дыхание. — Значит, встреча уже вряд ли состоится».

Встреча, слава Богу, не состоялась.

На первом привале, на подоконнике, кажется, пятого этажа, Габриэль сообщил о том, что еще перед началом грандиозного путешествия вокруг Земли американцы предложили ему экранизацию «Ста лет одиночества». «Они предложили мне два миллиона долларов, — сказал он. — Я отказался». На седьмом или на восьмом этаже он то ли в шутку, то ли всерьез добавил: «Я сказал своему литературному агенту, что начинать переговоры надо с четырех миллионов долларов».

Самая долгая передышка была на двенадцатом этаже. Габриэль уже запросил сел на подоконник коридорного окна и, поскольку мой сын, возглавлявший наш поход наверх, находился все время перед глазами, завел разговор о своих детях. «Мы страшно переживаем за сыновей, — сказал он. — Даже когда знаем, где они». «У меня два уровня сна, — сказал он. — Когда дети в доме и когда их нет. Зная это, каждый из них, воз-

вращаясь ночью домой, дотрагивается до моего плеча и говорит: «Я здесь»».

Во время другого привала Габриэль поведал замечательную историю о своей матери. «Никогда не знаешь, что у человека на уме, — сказал он. — Моей матери, например, репортеры недавно задали вопрос: «Что является вашей высшей гордостью?» Почти все приготовились записать очевидный для них ответ: «Известный на весь мир сын Габриэль». А мать, старая женщина, посмотрела на них и сказала: «Моя дочь, ставшая монашенкой!»

— А что является гордостью для Габриэля? — спросил я.

— Мои сыновья, — ответил Маркес. — Дети — это тыл мужчины.

Когда Габриэль поднялся с подоконника для штурма последнего этажа, Марседес ахнула: отутюженные, великолепные брюки мужа были в сизой пыли, кошачьим дерьмом и в пепле от брошенных окурков.

— О господи, — прошептала она. — О господи.

В квартире, после преодоления лестничных маршей, обессиленная Марседес опустилась в кресло и, засмеявшись, сказала: «Впервые за все кругосветное путешествие мы заработали свой ужин физическим трудом».

Ужин проходил в бесконечных разговорах. И даже с песнями. Габриэль был раскован и улыбочив, его необыкновенные глаза излучали снопы света, и лишь иногда, когда он над чем-то задумывался, выражение глаз менялось, они становились горестными, и весь его облик обретал вдруг сходство с Марком Твенном, каким тот изображен на большинстве книжных обложек.

Говорили об «Осени патриарха». «На первую фразу этого романа я затратил почти три месяца», — признался Габриэль.

Говорили о критиках. «Если бы они были ко мне суровы, — сказал Маркес, — я бы не уставал повторять, что не люблю их. Это было бы всем понятно. Но они меня хвалят, я избалован ими. Но продолжайте повторять: я не люблю критиков. Они пытаются объяснить читателям, о чем я, при работе над произведением, даже не думал. Им кажется, что они все понимают. Размышляя о чуждых писателю намерениях, выдвигая свои теории, они становятся между мной, писателем, и моими читателями. А для меня это невыносимо. Я хочу, чтобы между мной и читателем не было никаких преград».

Время от времени в ходе ужина я покидал квартиру и выходил в коридор, к лифтам. Никто и не собирался их ремонтировать.

Говорили о Колумбии. Габриэль блистательно анализировал состояние колумбийского общества, процессы, происходящие в Латинской Америке. Я рассказывал о своем недавнем посещении его родины. И, конечно, о том, в какой ситуации оказался, направляясь из Боготы через проклятый

Бермудский треугольник в Нью-Йорк, на заранее оговоренную встречу с Мэри Хемингуэй. Тогда «Боинг» авиакомпании «Авианка» в течение 10 часов трижды терпел аварию над морем и с трудом возвращался на землю — в Барранкилью. В последний раз — с двигателями, охваченными пламенем.

Тема опасности и смерти не раз затрагивалась Маркесом. Ни одна из реплик мастера не засела в моей памяти так прочно, как эта: «Очень сожалею, — сказал он, — что главное событие в моей жизни — собственную смерть — я описать уже не смогу».

О Хемингуэе Габриэль сказал: он был и останется величайшим учителем всех профессиональных писателей.

В один из моментов я назвал имя Симонова. И даже показал Габриэлю и Марседесу симоновский подарок: редчайшее издание — его первую военную книжечку, выпущенную в свет крошечным тиражом для окопов через 2 месяца после начала Великой Отечественной войны — в августе 1941 года. В нее вошли первые симоновские репортажи, опубликованные в «Красной звезде». На титульном листе Константин Михайлович написал: «...с фронтным, как говорится, приветом из сорок первого года (1970)».

— Мы в Южной Америке знаем его имя, — сказал Маркес. — Любим его стихотворение «Жди меня». К сожалению, ничего другого я не читал. Но встретиться с ним я бы хотел.

— Он болен, — ответил я. — Лежит в больнице.

— Но ведь в больнице и можно навестить? — спросил Маркес.

— Утром узнаю все, — сказал я.

В начале первого ночи Маркес засобирался. Моя жена уговаривала Марседес прихватить с собой банку варенья из черной смородины, вкус которого так понравился обоим гостям. Лифты по-прежнему не работали. Спуск оказался труднее подъема. Сущая мука: невидимые в темноте ступеньки — на 16 пролетов горело три пыльные лампочки. После спуска, в самом низу, на первом этаже, Габриэль бросил взгляд в сторону мертвых лифтовых кабин. Он пробормотал слово, разобрать которое было не так уж трудно. Кажется, он сказал: «Социализм».

Сверкающий лимузин, подрагивая полированным капотом, урчал у подъезда. Прощаясь и уточняя время возможной завтрашней поездки к Симонову, мы еще не знали, что через несколько часов автора «Жди меня» уже не станет. Симонов скончался.

...Время вечности неподвижно. Зато с какой скоростью летят его стрелы! И ни одного промаха. И каждого — навзлет. Но сегодня — не о грустном. Сегодня о славном семидесятилетнем юбилее. Юбилее неповторимой личности, выдающегося Мастера, прекрасного человека по имени Габриэль Гарсиа Маркес. Может быть, самого неожиданного писателя уходящего века. С юбилеем, Габриэль! И прекрасных новых строк, подобных тем, что уже были однажды написаны под музыку в Мехико, на улице Огня.